

«БОРЬБА С КОСМОПОЛИТИЗМОМ» В ФИЛОСОФИИ: ГОРЬКОВСКИЙ СЛУЧАЙ

С.Н. Корсаков

Институт философии Российской академии наук, Москва, Россия

Поступила в редакцию: 26.01.2023

В окончательном варианте: 22.02.2023

■ Для цитирования: Корсаков С.Н. «Борьба с космополитизмом» в философии: горьковский случай // Вестник Самарского Государственного Технического Университета. Серия «Философия». 2023. Т. 5. № 1. С. 21–40. DOI: <https://doi.org/10.17673/vsgtu-phil.2023.5.3>

Аннотация. В статье на примере случившегося с нижегородским философом И.Б. Лиогоньким рассматриваются основные составляющие практики кампании по «борьбе с космополитизмом», проводившейся в послевоенном Советском Союзе по указанию Сталина. И.Б. Лиогонький — первый защитивший диссертацию кандидат философских наук в городе Горьком (Нижнем Новгороде). В 1949 г. он был уволен из Горьковского университета и подвергнут необоснованным преследованиям в рамках кампании по «борьбе с космополитизмом». В этом были заинтересованы коллеги И.Б. Лиогонького, которые заняли его место. Декларации кампании по «борьбе с космополитизмом» разошлись с реальной практикой кампании, которая приняла антисемитский характер. Опосредованным результатом этого стала эрозия коммунистической идеологии в Советском Союзе.

Ключевые слова: советская философия; космополитизм; философский факультет МГУ; Горьковский университет; И.Б. Лиогонький; И.П. Белоусов; В.И. Фомин.

“FIGHT AGAINST COSMOPOLITISM” IN PHILOSOPHY: GORKOVSKY CASE

S.N. Korsakov

Institute of Philosophy of RAS, Moscow, Russia

Original article submitted: 26.01.2023

Revision submitted: 22.02.2023

■ For citation: Korsakov S.N. “Fight Against Cosmopolitanism” in Philosophy: Gorkovsky Case. *Vestnik of Samara State Technical University. Series Philosophy*. 2023;5(1):21–40. DOI: <https://doi.org/10.17673/vsgtu-phil.2023.5.3>

Abstract. In the article, using the example of what happened to the Nizhny Novgorod philosopher I.B. Liogonkiy examines the main components of the practice of the campaign for the “fight against cosmopolitanism” carried out in the post-war Soviet Union at the direction of Stalin. I.B. Liogonkiy is the first candidate of philosophical sciences who defended his dissertation in the city of Gorky (Nizhny Novgorod). In 1949, he was fired from Gorky University and subjected to unjustified persecution as part of a campaign to “fight against cosmopolitanism”. The colleagues of I.B. Liogonkiy were interested in this, who took his place. The declarations of the campaign to “fight against cosmopolitanism” diverged from the actual practice of the campaign, which took on an anti-Semitic character. The indirect result of this was the erosion of communist ideology in the Soviet Union.

Keywords: Soviet Philosophy; cosmopolitanism; Faculty of Philosophy; Moscow State University; Gorky University; I.B. Liogonkiy; I.P. Belousov; V.I. Fomin.

Кампания по «борьбе с космополитизмом», развернувшаяся в конце сталинского правления, затронула и философию. Этот аспект событий тех лет уже рассматривался в литературе [1, 2, 29]. Нашел он отражение и в сборнике архивных документов по теме [31]. Понятно, что в этих публикациях в качестве объекта исследования взяты столичные сюжеты. Мы же обратимся к тому, как она отразилась на региональном уровне, в частности, в Горьковском университете. Подобная исследовательская оптика, во многом, позволяет вычлнить изучаемый процесс «в чистом виде». В отличие от столицы, где в дело примешиваются многие факторы, в регионе любое общественное явление выступает обнаженно, в своих основных типических чертах, персонажах и их мотивах. В свою очередь, такой «лабораторный» уровень анализа позволяет определить реальный смысл исследуемого общественного явления.

Оговорим также сразу, что мы закавычили название данной идеологической кампании, потому что в сталинской системе пропаганды термин «космополитизм», как и термин «троцкизм» применялись произвольно к различным лицам или событиям и выполняли функцию негативной оценки именно в силу неопределенности своего содержания. Поэтому не может иметь четкого определения и «борьба с космополитизмом»: деятельность персонажей, избранных объектами борьбы, могла вовсе не иметь отношения к космополитизму как к некоторому наднациональному, универсалистскому мировоззрению.

Советский период нашей истории отличается тем, что политические и идеологические события проносились как ураган, погребая под собой людей вне всякой прямой связи с намерениями и действиями этих людей. Так случилось и с горьковским философом Лиогоньким. В 1949 г. кандидат философских наук, доцент Горьковского университета Израиль Борисович Лиогонький был подвергнут проработке, ему были предъявлены идеологические обвинения в космополитизме, он был уволен и вскоре под влиянием случившегося с ним умер. Несправедливые обвинения способствовали тому, что со временем это имя затерялось в потоке истории. О фигуре И.Б. Лиогонького упоминал только А.А. Касьян в работах по истории советской философии [9, 10]. Между тем искания и творческие устремления философа не должны оказаться перечеркнутыми по причинам внешнего характера, и его имя в истории подлежит восстановлению. С другой стороны, анализ случившегося с И.Б. Лиогоньким наводит на выводы и размышления общего характера. В сборе документов и воспоминаний для настоящей статьи участвовали дети философа М.И. Лиогонький, Т.И. Лиогонькая и его внук Т.Б. Попов, за что я выражаю им глубокую благодарность.

Израиль Борисович Лиогонький родился 22 февраля 1905 г. в Минске. Отец — маляр, мать — булочница. По окончании начальной школы в марте 1917 г. поступил рабочим на частный кожевенный завод Гольдберга. С осени 1920 г. учился в профтехшколе кожевников. В августе 1921 г., не окончив школу, вернулся на кожевенный завод № 1. В июле 1924 г. переехал в г. Богородск, где поступил на кожевенный завод им. Калинина. В январе 1925 г. по комсомольской мобилизации направлен на работу секретарем сельской комсомольской ячейки, затем инструктором волостного политпросвета, с 1926 г. зав. отделом агитации и пропаганды Богородского уездного комитета комсомола, в 1927 г. инструктором Павловского уездного комитета ВЛКСМ. В сентябре

1927 г. был командирован на учебу в Нижегородскую губернскую совпартшколу II ступени. По окончании совпартшколы работал помощником зав. орготделом Нижегородского крайкома ВКП(б), а с сентября 1929 г. инструктором Нижегородского краевого промкредитсоюза (Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 17. Оп. 99. № 0321625 (1936)). В августе 1930 г. был командирован на учебу в Нижегородский филиал Института красной профессуры подготовки кадров, позже переименованный в Нижегородский Институт марксизма-ленинизма. Во время учебы в 1930–1932 гг. работал преподавателем кафедры философии Горьковского пединститута, в 1932–1935 гг. доцент кафедры философии Горьковского института инженеров водного транспорта (Государственный общественно-политический архив Нижегородской области. Ф. 377. Оп. 8а. Д. 41. Л. 30–31 об.). По окончании ИМЛ с 1935 г. работал директором райкомвуза в г. Балахна, а с 1936 г. директором Всесоюзных курсов руководящих банковских работников в Горьком. С 1937 г. И.Б. Лиогонький преподавал философию в Горьковском строительном техникуме, а с 1940 г. — в Горьковском инженерно-строительном институте (Государственный общественно-политический архив Нижегородской области. Ф. Р-3. Оп. 340. Д. 21.15; Ф. 377. Оп. 8а. Д. 41. Л. 3–3 об.). В июне 1941 г. добровольно пошел в военкомат, но его не взяли в армию: в детстве он перенес менингит и в результате осложнения левым глазом не видел [14, с. 128]. В августе 1941 г. его назначили комиссаром оборонных работ по защите г. Горького от налетов немецкой авиации, присвоили звание старшего политрука. Сын философа Б.И. Лиогонький вспоминал: «Отца я увидел лишь через три месяца изможденным, обросшим. В течение нескольких лет войны он был комиссаром городского отряда обороны. Читал лекции в военных училищах и других оборонных организациях [14, с. 130]. В 1942 г. И.Б. Лиогонький был награжден грамотой за стахановскую работу. В 1946 г. был награжден медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1941 гг.» (Государственный общественно-политический архив Нижегородской области. Ф. 377. Оп. 8а. Д. 41. Л. 27 об.).

В феврале 1942 г. И.Б. Лиогонький перешел на работу старшим преподавателем кафедры марксизма-ленинизма Горьковского университета и был избран секретарем парторганизации университета, а затем в течение долгого времени был первым заместителем секретаря партбюро (Государственный общественно-политический архив Нижегородской области. Ф. 377. Оп. 8а. Д. 41. Л. 6). По совместительству преподавал также в Горьковском пединституте [12, с. 52].

И.Б. Лиогонький был жизнерадостным, открытым и дружелюбным человеком, прекрасно играл в волейбол, в преферанс, занимался моржеванием. Он всегда оказывался в центре внимания, к нему тянулись люди [14, с. 128–129]. К нему домой нередко приходили коллеги-преподаватели и ректор университета А.Н. Мельниченко. В свое свободное время они обсуждали научные проблемы, и И.Б. Лиогонький проявлял в этих беседах эрудицию в области социальных и естественных наук [14, с. 131]. Коллегам было с ним интересно. И.Б. Лиогонький был в большой дружбе с заведующим Горьковским областным отделом народного образования, а потом секретарем обкома партии М.И. Родионовым, репрессированным в 1949 г. по «ленинградскому делу». Соседом И.Б. Лиогонького одно время был дядя писателя Льва Кассиля, и когда писатель как-то посетил своего родственника вместе с полярником Эрнстом Кренкем,

они позвали И.Б. Лиогонького в гости, а его сыну Борису Кассиль подарил свои книги «Кондуит и Швамбрания» и «Вратарь республики» [14, с. 129].

И.Б. Лиогонький всегда тщательно готовился к лекциям, конспектируя в толстые тетради первоисточники Гегеля, Фейербаха, Энгельса. Старший его сын вспоминал о военных годах: «Я понял уже тогда, что мой отец является очень целеустремленным человеком. Поздней ночью, иногда просыпаясь, я видел отца сидящим за письменным столом. Тогда я не догадывался, что он делает. Однако потом он мне рассказал, что он пишет философский труд на тему «К вопросу о роли субъективного фактора в войне». В доме все наши книжные шкафы были заставлены философской литературой. Папа брал в библиотеке книги философов — крупнейших теоретиков войны» [14, с. 130]. К 1946 г. диссертация была написана.

7 мая 1948 г. И.Б. Лиогонький защитил на философском факультете МГУ кандидатскую диссертацию «К вопросу о роли субъективного фактора в войне». 1 июля 1948 г. он был утвержден в ученой степени Ученым советом МГУ (Государственный общественно-политический архив Нижегородской области. Ф. 377. Оп. 8а. Д. 41. Л. 28).

В диссертации И.Б. Лиогонького приверженность положениям марксизма-ленинизма сочеталась с самостоятельностью мышления. И.Б. Лиогонький проводил в диссертации мысль о том, что победа в войне зависит в конечном счете не только и не столько от армии, сколько главным образом, от того, какую роль в войне играет сам народ — подлинный субъективный фактор в войне [19, с. 3]. Он берет известное сталинское положение о постоянно действующих факторах войны и делает вывод, что среди них первенствующее значение имеет субъективный фактор [19, с. 39].

И.Б. Лиогонький критикует в диссертации немецкие концепции войны (Г. Гегель, К. Клаузевиц, Г. Дельбрюк). Гегель преувеличивал значение объективных факторов в войне, по отношению к которым историческая личность выступала лишь функцией. Клаузевиц недооценивал значение духа народа в войне. Дельбрюк фетишизировал субъективный фактор в войне в лице выдающихся полководцев, а потому их поражения объяснял случайными причинами. Далее диссертант подробно разбирал военно-исторические сочинения Энгельса и Меринга.

Согласно И.Б. Лиогонькому, марксизм-ленинизм преодолевает крайности субъективизма (абсолютизация роли гениальных личностей) и объективизма (войны как проявления движения в истории надындивидуального духа человечества и народов) в объяснении хода и исхода войн. Любая война может быть правильно понята в строгом соответствии с тем историческим этапом, на котором она становится возможной, с тем социально-политическим строем, который ее породил, с той политической целью, ради которой определенный класс ведет войну [19, с. 125]. Война — форма борьбы за осуществление классовых интересов независимо от того, осознают ее их участники или нет, а успешность в борьбе определяется степенью осознания этих интересов, то есть уровнем развития субъективного фактора в лице народных масс и выдающихся личностей. Политические цели, которые выдвигают лидеры, являются фактором, способствующим или препятствующим победе, ибо в прямой зависимости от этого находится отношение народных масс к войне и, соответственно,

сила субъективного фактора [19, с. 131]. Сознательная борьба за свои прогрессивные интересы реализует историческую необходимость даже в случае, если непосредственные цели не были достигнуты (восстание Спартака).

Философское изучение войн — это выявление диалектики свободы и необходимости, цели и средств, возможности и действительности, масс и личностей. Возможность превращается в действительность в результате борьбы. В Великой Отечественной войне, писал И.Б. Лيوгонький в своей диссертации, имелась возможность отразить фашистскую агрессию, но реализация этой возможности требовала особых условий, среди которых решающая роль принадлежит субъективному фактору — массам и личностям. Выдвижение в истории гениального полководца — новатора военного искусства — обусловлено потребностями исторической эпохи. Но отсутствие в решающий период истории нужного великого человека может вызвать либо отсрочку решения назревшей в обществе задачи, либо ее половинчатое решение [19, с. 85].

И.Б. Лيوгонький считал, что на вопрос, поставленный в диссертации, ответить верно можно прежде всего на основе разумного учета самой истории войн [19, с. 37]. Наполеоновские войны были успешны благодаря сочетанию объективных факторов — появления в результате Великой французской революции новых социальных условий буржуазного развития, открывших путь к созданию массовых национальных армий, — и субъективного фактора — личности Наполеона, который осознал свое историческое значение в качестве выразителя интересов нового господствующего класса и радикально перестроил стратегию, тактику и организацию армии в соответствии с новыми условиями.

И.Б. Лيوгонький анализирует высказывания Толстого об Отечественной войне 1812 г. и, критикуя нигилизм Толстого в отношении роли Наполеона в создании новой системы военного искусства, расценивает как гениальную формулу Толстого: дух войска есть множитель на массу, дающий произведение силы [19, с. 130]. В народной войне, когда сам народ решает свою судьбу с оружием в руках, роль субъективного фактора, полагал И.Б. Лيوгонький, возрастает, так как от него зависит степень осознания целей и решимость в их достижении. В Отечественной войне 1812 г. полководческая гениальность Кутузова и источник достигнутых под его командованием успехов — в его опоре на силу морально-политического подъема народа. Кутузов осознал, развернул и использовал мощь этой силы. Этим объясняется полководческая смелость Кутузова, проявленная им при принятии стратегических решений.

В Гражданской войне в России 1918–1921 гг. нельзя сказать, писал И.Б. Лيوгонький, что у белых генералов не было возможностей для победы. Но они в силу ограниченности своего классового интереса не сумели решить ни одного коренного социально-экономического вопроса. Ориентация на помощь со стороны различных иностранных держав обесмысливала выдвинутый белыми лозунг «единой и неделимой России» и не могла обеспечить белым ни единства действий, ни своевременного определения направления главного удара. Напротив, у красных руководство единой партии в условиях Советской власти явилось необходимым и решающим фактором сплочения и единства классовых и общенародных интересов.

Во Второй мировой войне действия фашистских государств выражали интересы наиболее реакционных сил империализма, находившиеся в противоречии

с интересами народов. Выдвижение в качестве цели победы «расы господ» привело к применению бесчеловечных средств и не могло обеспечить агрессорам единства действий субъективного фактора. Коренный интерес народов в такой войне — национальная независимость и демократия. Советский Союз как социалистическое государство осознал этот интерес и стал лидером в освобождении человечества от фашизма. Англия и США также боролись за эти цели, но, поскольку внутри этих стран имелись противоположные классовые интересы, они не могли достичь советского уровня морально-политического единства в борьбе с фашизмом. Сила субъективного фактора победы в Великой Отечественной войне была обусловлена руководящей ролью Коммунистической партии и ее вождя Сталина — делал вывод диссертант.

В июне 1947 г. И.Б. Лиогонький ездил от Горьковского университета на знаменитую Всесоюзную дискуссию по книге Г.Ф. Александрова «История западно-европейской философии», которая проходила в Москве в здании ЦК ВКП(б) и на которой выступал А.А. Жданов. По возвращении в Горький И.Б. Лиогонький выступил с рассказом о философской дискуссии на партийном собрании в ГГУ [9, с. 32] и других университетских заседаниях [9, с. 33–34]. 4 сентября 1948 г. И.Б. Лиогонький вслед за ректором ГГУ выступил на траурном митинге в связи со смертью А.А. Жданова и поделился воспоминаниями о своих встречах с покойным во времена, когда А.А. Жданов возглавлял Нижегородский крайком ВКП(б) [32]. В январе 1948 г. И.Б. Лиогонький сделал сообщение на кафедре марксизма-ленинизма об увязке учебного процесса с итогами философской дискуссии [9, с. 34]. В своем сообщении он рекомендовал проводить изучение философского материала так, чтобы изложение марксистской философии было научным — основанным на фундаменте современных достижений; изложение марксистской философии должно быть не схоластичным, а творчески-действенным, непосредственно связанным с задачами современности, должно подводить слушателей к их уяснению и намечать перспективы дальнейшего развития; существенным требованием при этом должно быть решительное разоблачение современной реакционной идеалистической и вульгарно-материалистической теорий [10, с. 79]. 16 сентября 1948 г. И.Б. Лиогонький выступил на совместном заседании кафедры марксизма-ленинизма и кафедры русской литературы с рассказом о философской дискуссии 1947 г. [3].

После защиты диссертации решением Министерства высшего образования СССР от 19 февраля 1949 г. И.Б. Лиогонькому было присвоено ученое звание доцента (Государственный общественно-политический архив Нижегородской области. Ф. 377. Оп. 8а. Д. 41. Л. 23). В характеристике, составленной на И.Б. Лиогонького после утверждения в должности доцента и подписанной ректором и секретарем партбюро университета, говорилось: «Опытный и авторитетный преподаватель. Принимает широкое участие в идейно-политическом воспитании студентов. Активно участвует в общественно-политической работе университета, является заместителем секретаря партбюро университета. Используется в качестве лектора на философские темы. Идеологически устойчив, дисциплинирован» (Государственный общественно-политический архив Нижегородской области. Ф. 377. Оп. 8а. Д. 41. Л. 32).

И.Б. Лиогонького можно назвать своего рода политической «звездой» Горьковского университета первых послевоенных лет. Как первый заместитель

секретаря партбюро он отвечал за агитационно-пропагандистскую работу и систему политического просвещения в университете. Все важные общественно-политические мероприятия (лекции, беседы, консультации) в университете происходили при его организаторском участии. Он регулярно выступал с лекциями на политические и философские темы перед преподавателями и студентами. Партбюро утвердило его старшим консультантом по вопросам партийной учебы и политического просвещения в университете [26]. Вторым консультантом, напарником, помогавшим И.Б. Лиогонькому, был преподаватель А.И. Песикин. И.Б. Лиогонький организовывал постоянно действующие философские семинары — как общеуниверситетские, так и по факультетам — которые посещали по несколько десятков преподавателей, и где он сам нередко выступал докладчиком и принимал участие в обсуждении докладов [21]. В феврале 1948 г. И.Б. Лиогонький выступил с докладом «“Манифест Коммунистической партии” и материалистическое понимание истории» на состоявшейся в университете юбилейной сессии к столетию этой книги Маркса и Энгельса [33].

И.Б. Лиогонький организовал в университете циклы публичных научно-популярных лекций по философии для преподавателей, сотрудников, аспирантов, студентов и всех желающих. Лекции читались в течение 1948/1949 учебного года. И.Б. Лиогонький открыл этот публичный курс 9 октября 1948 г. лекцией «Возникновение философии по произведению “Манифест Коммунистической партии”», на которой присутствовало свыше 60 человек [13]. В декабре 1948 г. И.Б. Лиогонький выступал на совместном заседании кафедр марксизма-ленинизма и политической экономии при обсуждении вопроса о методике проведения семинарских занятий по общественным наукам [7]. В апреле 1949 г. проводил консультацию со студентами-дипломниками по книге Ленина «Материализм и эмпириокритицизм» [6].

Во время летних каникул 1949 г. И.Б. Лиогонький во время отпуска прочитал по линии Общества «Знание» одиннадцать лекций по философии в районах области: «Марксизм-ленинизм и религия», «О коммунистической морали» и др. [30]. После каникул И.Б. Лиогонький возобновил цикл лекций по философии для всех желающих в стенах ГГУ [22]. 3 октября 1949 г. он прочитал в актовом зале Университета начальную лекцию цикла «Исторический материализм как наука», а А.И. Песикин — лекцию «Марксизм и национальный вопрос» [25]. В зале было 120 слушателей, которым были розданы примерная тематика лекционного курса и списки литературы [20].

И.Б. Лиогонький писал в автобиографии, что «за время пребывания в партии никаких колебаний не имел и ни к каким оппозициям никогда не примыкал» (Государственный общественно-политический архив Нижегородской области. Ф. 377. Оп. 8а. Д. 41. Л. 31–31 об.). Эта запись вполне правдива, хотя, трудно сказать, как он воспринимал события 30-х годов (он, например, высоко отзывался о руководителе кафедры философии Института марксизма-ленинизма, где он учился, хотя этот зав. кафедрой был репрессирован). Факт назначения И.Б. Лиогонького секретарем партийной организации университета достаточно весомое подтверждение этой приверженности. Еще одним свидетельством того, что его деятельность всегда была согласована с линией партии, является его участие в обсуждении деятельности крупнейшего ученого генетика С.С. Четверикова, которое произошло в ГГУ непосредственно сразу

после завершения Августовской сессии ВАСХНИЛ 1948 г. Не имея специальных познаний в области биологии и уж тем более генетики, но, опираясь на решение сессии ВАСХНИЛ и компетентность сотрудников биологического факультета во главе с ректором ГГУ биологом А.Н. Мельниченко, И.Б. Лиогонький не только голосовал «за», но и, как член парткома, выступал с осуждением С.С. Четверикова на расширенном заседании Ученого совета ГГУ, пропагандировал решения Августовской сессии ВАСХНИЛ на страницах университетской газеты [18]. Ректор предложил С.С. Четверикову отказаться от своих взглядов и в обмен на это быть уволенным с формулировкой «по состоянию здоровья». Но С.С. Четвериков отказался, и поэтому было проведено публичное осуждение. Считается, что само это осуждение было предпринято ректором «на упреждение», чтобы меньше пострадали и сам С.С. Четвериков, и ректорат.

И.Б. Лиогонький регулярно публиковал установочные передовые статьи по идеологическим вопросам в университетской газете «За Сталинскую науку» [15–18]. Более того, передовые статьи И.Б. Лиогонького в университетской газете вполне укладывались в стандарты кампании по «борьбе с космополитизмом». В них он подверг критике профессора Я.Л. Шапиро и доцента И.И. Гордона за то, что те остаются в стороне от общественно-политической жизни университета [17], а профессора Г.С. Горелика — за «физический идеализм» [16]. В январе 1949 г. на отчетно-выборном собрании парторганизации университета И.Б. Лиогонький был вновь избран первым заместителем секретаря партбюро Н.Н. Миронова. Вторым заместителем был избран А.И. Песикин [27].

В жизни И.Б. Лиогонького все шло по нарастающей. Защищена диссертация. Присвоено ученое звание. Он пользуется уважением в коллективе. В семье растут пятеро детей. 27 ноября 1949 г. на отчетно-выборном собрании партийной организации университета он переизбирается первым заместителем секретаря партбюро [24]. Поэтому так тяжело И.Б. Лиогонький воспринял неожиданно разразившуюся катастрофу. Вот протокол заседания партбюро ГГУ в конце ноября 1949 г.:

«Слушали. Об ошибке доцента Лиогонького, допущенной им в лекции 23 сентября 1949 года по теме «Всеобщая связь и обусловленность явлений в природе и обществе», прочитанной студентам 4-го курса химфака (доклады-вает зав. кафедрой философии т. Фомин.)

т. Фомин: Суть дела состоит в следующем: т. Лиогонький в лекции о всеобщей связи и обусловленности явлений в природе и в обществе, прочитанной студентам 4-го курса химфака, разбирая вопрос о диалектике необходимости и случайности, привел пример о В.И. Ленине. Он сказал, что рождение Ленина в России — случайное явление, но это рождение оказало свое воздействие на весь ход исторических событий: «Рождение Ленина в России случайно, но рождение Ленина оказало свое воздействие на весь последующий ход исторических событий» (конспект студентки Змечинской); «Случайно Ленин родился у нас, но дальнейшая его жизнь привела к новому развитию общества. Случайность приводит к необходимости» (конспект студента Туманова). Он далее пустился в неуместные, неуместные и совсем ненужные разговоры и криво-толчки о том, случайно или не случайно родился Ленин в России. В чем причина подобных минусов в работе Лиогонького? Я хорошо знаю его как лектора, мне немало приходилось бывать у него на лекциях, я читал стенограммы его

лекций и знаю о его лекциях не только у нас в ГГУ, но и в других местах. Мне известны также многочисленные отзывы о его работе. Я должен со всей серьезностью заявить о том, что мне и не приходилось встречаться с такими ошибками, как те, которые мы обсуждаем. Лиогонький мог бы значительно лучше читать лекции, чем он их читает. В его лекциях много пафоса, эмоций, шума, но теоретическая глубина и форма его лекций очень часто обладает большими недостатками. Объясняется это тем, что он читает невероятно много лекций.

Вопрос: Признал ли свою ошибку Лиогонький на заседании кафедры и согласился ли с решением кафедры по этому вопросу?

Ответ: С решением кафедры согласился за исключением формулировки «Признать политически вредной».

т. Лиогонький: С решением кафедры по этому вопросу согласен в той части, что мною допущена теоретическая ошибка, но не считаю свое выступление политически вредным, а считаю, что оно принесло пользу.

т. Рыбаков (проректор ГГУ): т. Лиогонький неправильно оценивает допущенную им ошибку в лекции, что он не только не допустил политическую ошибку, но будто его пояснение вопроса принесло студентам пользу. Бестактные по отношению к В.И. Ленину разговоры о том, если бы Ленин был убит и т. д. Я процитирую вам записи студентов (читает). Вы видите, какая тут написана чепуха. Проверкой установлено, это не единственная запись. Почти у всех записано так, слова различны, а суть одна. Все это выяснилось на семинаре у преподавателя Белоусова. Белоусов правильно указал т. Лиогонькому на допущенную ошибку, и я считаю, он правильно разъяснил этот вопрос на семинаре. Но т. Лиогонький вместо того, чтобы принять меры и исправлять ошибки, стал обвинять Белоусова и сваливать вину с больной головы на здоровую. Я считаю, что здесь Лиогонький допустил грубую теоретическую и политическую ошибку. Ошибка не в том, что он привел пример с Лениным, а в том, что он сделал это небрежно, безграмотно и безответственно, в том, что все это породило среди студентов.

В последнее время имеются факты, когда враги народа, пробравшиеся на социально-экономические кафедры, в отдельных случаях пытаются приуменьшить роль Ленина и Сталина, пытаясь изобразить их как явления случайные в истории нашей страны, нашей партии. В этом же плане существо ошибки т. Лиогонького. Товарищ Лиогонький пытается обвинить Белоусова в том, что благодаря ему стал обсуждаться вопрос о его лекции.

Как обстояло дело? Я посетил лекцию т. Белоусова на химическом факультете. После лекции Белоусов заявил мне, что у него имеются разногласия с Лиогоньким по вопросу об оценке роли великих личностей в истории, в частности по вопросу о случайности или не случайности появления Ленина в России, что этот вопрос Лиогонький в лекции на химическом факультете объяснил неправильно.

Я сказал Белоусову, что вопрос о лекции Лиогонького необходимо обсудить на кафедре философии. Затем мною об этом было дано указание заведующему кафедрой философии т. Фомину. Обсуждение этого вопроса на заседании кафедры, следовательно, было сделано по указанию учебной части. Т. Белоусов постановку этого вопроса следует поставить не в вину, а в заслугу. Белоусов — беспартийный преподаватель, политически правильно поставил этот вопрос.

т. Фомин: Нужно считать, что объяснение в лекции на химфаке Лиогоньким вопроса о якобы случайном рождении Ленина в России является теоретически ошибочным и политически вредным.

т. Николаев: В изложении т. Лиогонького получилась путаница, которая привела к сомнительным и, следовательно, политически вредным разговорам вокруг имени Ленина.

т. Мельниченко: Я считаю, что т. Рыбаков дал совершенно правильную оценку всем этим ошибочным и политически вредным рассуждениям Лиогонького о гениальном основателе нашей партии и Советского государства.

Принять: решение зав. кафедрой Фомина о том, чтобы максимально разгрузить т. Лиогонького от его работы в других местах и тщательно готовиться к лекциям.

Постановили: Рекомендовать партийному собранию вывести т. Лиогонького из состава партбюро ГГУ (Государственный общественно-политический архив Нижегородской области. Ф. Р-275. Оп.1Б. Д. 24(291)-25(208). Л. 158-160).

И.Б. Лиогонький длительное время был единственным преподавателем философии на кафедре марксизма-ленинизма Горьковского университета, а затем — единственным преподавателем философии, получившим ученую степень [9, с. 19]. В августе 1949 г. на кафедре появился еще один кандидат философских наук, беспартийный на тот момент И.П. Белоусов. До Горького И.П. Белоусов работал в пединституте в Новозыбкове, где поместил в районной газете статью о «русской классической философии» [5], затем в Петрозаводске. Он почти сразу включился в кампанию пропаганды и изучения истории русской философии, которую начал и проводил в те годы в Москве М.Т. Иовчук.

По аналогии с немецкой классической философией М.Т. Иовчук пользовался термином «русская классическая философия». Также М.Т. Иовчук выдвинул положение о двух источниках ленинизма. Наряду с западным источником — марксизмом, вторым источником ленинизма М.Т. Иовчук провозгласил воззрения русских революционных демократов. Позже это положение М.Т. Иовчука было расценено в ЦК ВКП(б) как отступление от ленинизма, так как потенциально допускало возможность его трактовки как одной из национальных моделей социалистической идеологии, а не учения, имеющего всемирно-историческое значение. Патриотам от философии пришлось поэтому отказаться и от термина «русская классическая философия». Но на тот момент в разгар кампании по «борьбе с космополитизмом» было иначе.

В августе 1949 г. из кафедры марксизма-ленинизма выделилась самостоятельная философская кафедра — кафедра диалектического и исторического материализма (Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 17. Оп. 100. Д. 304935). Заведовать ей был назначен переведенный из Горьковского пединститута В.И. Фомин, который за несколько месяцев до этого защитил кандидатскую диссертацию [23, с. 34]. Выразительную характеристику В.И. Фомина давал в своих воспоминаниях В.П. Киселев: «В.И. Фомин почти ничего не писал, не публиковал, а лектор был превосходный, остроумный и веселый человек. Не потому Фомин не написал докторскую, что был ленив, а потому что боялся: время было такое, боялся доносов. Мне запомнились два его кредо, которые характеризуют отнюдь не только его одного, скорее, это было типичное умонастроение. Не думайте, говорил он нам, что мы тут

в Горьком можем развивать философию, сказать в ней что-то новое, свое. Развитием марксистской науки занимаются там, в Москве, в ЦК или около него, скажем, в Академии общественных наук при ЦК КПСС. Мы только пропагандисты, потребители и распространители идей, поступающих оттуда, сверху. Имелся в виду, прежде всего, если не исключительно, И.В. Сталин, пока он был жив. В.И. Фомин и многие вместе с ним искренне считали, что у нас нет права на новое слово в философии. Всякая наша попытка сказать новое слово в философии вылилась бы в так называемую отсебятину, а она считалась грехом или даже партийным проступком. Ведь преподаватель Лиогонький уволен был из Горьковского университета всего лишь за то, что в своей лекции, объясняя тему “необходимость и случайность”, соизволил самого Ленина как конкретную личность квалифицировать как нечто случайное по отношению к необходимому историческому процессу в России. И хотя Лиогонький в данном случае рассуждал вполне научно, его жестоко наказали: ведь никто сверху появление Ленина на исторической арене не называл “случайностью”, ни в одном учебнике этого не было. Второе кредо В.И. Фомина, связанное с первым, относилось к пониманию нашей учебной и пропагандистской работы. Среди нас, особенно молодых, начинающих, многим казалось, что они открыли в философии что-то свое, новое, и спешили внедрить это в ткань своих лекций, так или иначе обнародовать. В.И. Фомин же ограничивался в преподавании изложением мыслей классиков философии» [11, с. 258–259].

В научном и педагогическом отношении И.Б. Лиогонький превосходил двух других преподавателей философской кафедры ГГУ. Тем более опасным он был конкурентом в силу искренней приверженности государственной идеологии и своих организационных позиций первого заместителя секретаря партбюро. Конкурент был устранен с «волчьим билетом».

В произошедшем с И.Б. Лиогоньким, действительно, случайность стала «формой проявления и дополнения необходимости». Практика проводить проработки преподавателей по конспектам студентов — обычная практика сталинского времени. В таком случае важно заранее быть уверенным, что компромат в студенческих записях будет обнаружен. Старший сын И.Б. Лиогонького вспоминал, что в самой лекции отца такого иллюстративного примера с Лениным не было, но лектор был спровоцирован и втянут в обсуждение вопроса о случайности рождения Ленина и Сталина в России с помощью провокационного вопроса из зала [14, с. 131]. И.Б. Лиогонький как подлинный философ увлекся размышлением о диалектике случайности и необходимости, в соответствии с которой прогрессивная тенденция пробивает себе путь в тех или иных конкретно-исторических формах (отдельные события и люди), а сами эти формы, в свою очередь, определяют характер осуществления тенденции. Вполне объяснимо, почему именно это его высказывание вызвало реакцию И.П. Белоусова и тех, кого он представлял. Для патриотического лагеря в советской философии подобные рассуждения представляли угрозу, входили в прямое противоречие с тезисом о неизбежности появления ленинизма в России из русской классической философии, т. к. показали бы искусственность и надуманность тезиса, от которого позже отказались сами его пропагандисты. Тем более что выступил с этими рассуждениями еврей. Высказыванию И.Б. Лиогонького был придан нигилистический смысл, которого он в него

не вкладывал. Само обсуждение высказывания И.Б. Лиогонького в этом ключе выглядит нелепо. Кажется непонятным, как можно все это всерьез обсуждать. С учетом ортодоксального прошлого и настоящего И.Б. Лиогонького никаких других причин для осуждения, кроме его национальности, не существовало.

Не было бы этого высказывания, исказили бы другое. Вполне вероятно, что разбирательство в отношении И.Б. Лиогонького не просто совпадает, но, по существу, связано с организационными преобразованиями по созданию в ГГУ специализированной философской кафедры. Проблема И.Б. Лиогонького была в его политической правоте и научной успешности. «Роль субъективного фактора» в истории с И.Б. Лиогоньким в том, что он мог попасть под антисемитскую кампанию, но мог и не попасть и просуществовать дальше сравнительно благополучно, как то было с рядом советских философов-евреев в это время и в Москве и в провинции. Это уже зависело от конкретной ситуации и отношения окружающих начальников и коллег. Надуманный характер обвинений, предъявленных И.Б. Лиогонькому (в которые не верили и те, кто их выдвигал), выражал антисемитскую направленность, которую приняла кампания «по борьбе с космополитизмом», и вместе с тем выход этой кампании, да и самих коммунистических партийных структур, которые ее вели, за рамки собственно коммунистической идеологии.

Кампания по «борьбе с космополитизмом», как она провозглашалась официально в выступлениях А.А. Жданова, не заявлялась как антисемитская, так как это вошло бы в противоречие с теорией марксизма-ленинизма в национальном вопросе. Но фактически, в силу антисемитизма И.В. Сталина и личной заинтересованности значительного числа руководителей и сотрудников в системе идеологии, пропаганды, науки и культуры, проводилась как антисемитская. В каждом конкретном случае находилось заинтересованное лицо, которое обеспечивало свои карьерные устремления, пользуясь расхождением между официальной целью и реальной направленностью кампании, и находились руководители, которые видели свою безопасность и успешность в том, чтобы реализовывать такую направленность. Официально декларируемая цель кампании — перевоспитание советской интеллигенции для избавления ее от такой архетипической черты, как принижение своего и ориентация на зарубежное. Сама постановка вопроса о «перевоспитании воспитателей» не противоречила социалистической модели общества, которое не развивается стихийно, а строится сознательно. Потому в нем допустимы организованные действия по формированию общественных настроений в заданном направлении.

В действительности организаторы и участники кампании не занимались перевоспитанием ни еврейской, ни русской части советской интеллигенции. В отношении еврейской части советской интеллигенции имело место простое вытеснение с занимаемых должностей вне связи с позициями, действиями и высказываниями изгоняемых. Реальной целью было занять освободившиеся места. Поэтому и нужен был тезис о том, что государственная идеология ленинизма — это русская национальная идеология. Тогда русские по национальности приобретали прерогативу выступать от ее имени. На деле вместо перевоспитания советской интеллигенции, русской ее части выдавалась индульгенция об идеологической правоте точно так же вне связи с реальными позициями, действиями и высказываниями ее представителей, степени их приверженности коммунистической идеологии, а у большинства еврейской

интеллигенции сформировался мировоззренческий перелом, в результате которого оно стало воспринимать Советское государство не в рамках приверженности коммунистической идеологии, а в дискурсе «тоталитарной машины».

Во всей этой ситуации показательным поведением И.Б. Лиогонького. Было известно, что тот, кто хочет максимально обезопасить себя в условиях идеологической или политической кампании, должен только каяться, если ему предъявлены обвинения, но не оправдываться и тем более не пытаться отстоять свою позицию по существу. И.Б. Лиогонький поступил именно так. Он мыслил ситуацию в категориях ученого: считал, что своим примером на лекции лучше помогал студентам усвоить материалистическую диалектику. Поэтому предъявленное идеологическое обвинение не укладывалось у него в голове, воспринималось несвязанным с реальным содержанием его лекции. Ситуация архетипическая для философии: Сократ, как известно, в ответ на вопрос о возможной мере наказания за его поучения молодежи сказал, что за сделанное им общество должно не наказывать его, а выразить ему признательность. Подобный вызов обвинителям и общественности — отказ «разоружиться» по терминологии того времени — означал «вторичное впадение в ересь» и подлежал уже суду «светской власти».

«Материал Заседания бюро Горьковского областного комитета ВКП(б). 15 декабря 1949 г.

Слушали: о т. Лиогоньком (т.т. Рюриков, Лиогонький, Морозов, Зимин, Мельниченко, Фомин, Рыбаков, Песикин, Киреев).

т. Киреев: Бюро Обкома ВКП(б) отмечает, что доцент ГГУ т. Лиогонький в ходе чтения лекции по диалектическому материализму совершил грубую политическую ошибку, заявив, что рождение Ленина было в России случайным и, кроме того, допустил невежественные и вредные рассуждения вокруг Ленина. Несмотря на критику со стороны партбюро не признал свою ошибку и не дал ей правильную оценку.

Кафедра философии и партбюро ГГУ не вскрыли вовремя грубую ошибку Лиогонького и приняли половинчатое решение, не дав указанной ошибке должной политической характеристики и не сделав необходимых выводов из установленных фактов.

Ректорат ГГУ (т. Мельниченко) не обеспечил контроль за идейным содержанием лекций, благодаря чему в течение длительного времени вредные измышления Лиогонького не были опровергнуты студентам.

Отметив, что партбюро и кафедра философии ГГУ проявили либерализм в решении вопроса об ошибке Лиогонького, предупредить зав. каф. философии Фомина, что он несет ответственность за недостаточно принципиальное решение кафедрой вопроса о Лиогоньком.

Предложить партбюро ГГУ провести собрание преподавателей общественных наук университета с обсуждением вопроса о повышении идейного качества преподавания общественных наук.

Надо решить вопрос о партийности т. Лиогонького.

Я думаю, не стоит говорить о существовании вопроса, оно ясно. Надо ли оставлять Лиогонького в партии? Товарищи проектируют объявить ему строгий выговор с предупреждением с занесением в учетную карточку. Я считаю это — как минимум, ибо он заслуживает исключения из партии. Нет других предложений?

С мест: Нет.

Песикин: Лиогонький на лекции допустил грубейшую политическую ошибку. Лиогонький и раньше допускал политические ошибки в лекциях. Лиогонький имел строгий выговор от областного комитета ВКП(б) в 1935 году.

Принимается: В результате тщательного обсуждения вопроса бюро обкома ВКП(б) на заседании 15 декабря 1949 года приняло следующее решение.

Лиогонькому объявить строгий выговор в личное дело. Отстранить Лиогонького от чтения лекций по курсу «Диалектический и исторический материализм». Полностью запретить т. Лиогонькому чтение лекций в других учреждениях.

Ректору Мельниченко предложить усилить контроль за идейно-теоретическим содержанием лекций.

Надо немедленно отстранить т. Лиогонького от преподавания в ГГУ, в областной партийной школе, запретить Лиогонькому выступать где бы то ни было с лекциями.

Надо указать Мельниченко на слабый контроль с его стороны за качеством преподавания общественных наук и отметить, что партбюро и кафедра философии ГГУ либерально подошла к этому вопросу. Предупредить лично т. Фомина об ответственности за то, что этот факт не был своевременно вскрыт и не сделал должной оценки.

Надо провести собрание преподавателей кафедр общественных наук, на котором обсудить эти ошибки и принять необходимые меры, чтобы предупредить других» (Государственный общественно-политический архив Нижегородской области. Ф. Оп. 1. Д. 7035. Л. 123–124; Ф. 3. Оп. 1. Д. 7036. Л. 82–83).

Поясним: Киреев — первый секретарь обкома партии. Морозов и Зимин — член и кандидат в члены бюро обкома. Рюриков — известный функционер в сфере литературы и культуры, работавший тогда в Горьком.

Песикин на тот момент не только секретарь партбюро ГГУ, но и консультант по вопросам партийного просвещения парторганизации химфака ГГУ. То есть именно от его, так сказать, экспертного заключения зависела квалификация высказывания И.Б. Лиогонького на лекции студентам-химикам. В экспертном выступлении А.И. Песикина приведено еще одно компрометирующее И.Б. Лиогонького обвинение — о принадлежности в 1935 г. к троцкистско-зиновьевскому блоку. Оно прозвучало и на партийном собрании в Университете. Но в партийных документах И.Б. Лиогонького упоминание о таком факте отсутствует. О том же свидетельствовал и старший сын И.Б. Лиогонького Б.И. Лиогонький в своих воспоминаниях: «На партийном собрании в Университете выступавшие пытались приписать ему участие в троцкистско-зиновьевском блоке. Я точно знаю, что папа не имел к этому блоку никакого отношения. Он свято верил в В.И. Ленина. На собрании, по моим сведениям, некоторые выступали против такого обвинения» [14, с. 131]. Тем не менее оно было произведено на заседании бюро обкома партии и сыграло свою роль.

16 декабря 1949 г. был подписан приказ по ГГУ об увольнении И.Б. Лиогонького «за допущенные им в процессе преподавания грубейшие теоретические и политические ошибки» (Государственный общественно-политический архив Нижегородской области. Ф. 377. Оп. 8а. Д. 41. Л. 33). Из воспоминаний Б.И. Лиогонького: «Отец лишился работы, и семья — пять человек детей — оказалась без средств к существованию. Продавать было нечего, так как, когда папа уезжал в Москву на Всесоюзное совещание, посвященное книге

Г.Ф. Александрова «История западноевропейской философии», в одну из ночей в его отсутствие нас полностью ограбили» [14, с. 131–132].

И.Б. Лиогонький подходил к случившемуся с ним как ученый, с рациональных позиций. Он не мог принять иррациональности происходящего и продолжил и в этих условиях бороться за свое доброе имя, что было нарушением неписанных правил функционирования в системе и имело последствия. После оправдательных писем к Сталину и Молотову в 1950 г. он был вызван в Москву в Комитет партийного контроля к М.Ф. Шкирятову и исключен из партии.

С трудом ему удалось устроиться заведующим учебной частью ремесленного училища швейников. Одновременно он преподавал там «Историю СССР». В училище его все любили, он снова стал жизнерадостным и иногда с сотрудниками училища ездил на рыбалку. Но поздно вечером 17 апреля 1952 г. случился пожар на складах училища. И.Б. Лиогонькому позвонили домой, он срочно выехал на место происшествия и принял участие в тушении пожара. Но после произошедшего его стали подозревать в организации пожара, с ним случился инсульт, и через два дня 19 апреля 1952 г. в возрасте 47 лет он скончался, оставив многодетную семью практически без средств к существованию.

Вспоминает М.И. Лиогонький: «Моя сестра Татьяна Израилевна переписала все об отце, что оказалось доступным в Областном партийном архиве. Процесс переписки оказался довольно длительным, так как сестра могла работать с документами не каждый день, и этот процесс сопровождался непрерывными слезами. Признаюсь, что, когда я перепечатывал ее записи, мои глаза были тоже не всегда сухими. Передо мной раскрывался процесс морального, точнее, даже физического убийства нашего отца.

1949 год — год разгула кампании по борьбе с космополитизмом с дополнительной антисемитской окраской. На фоне недавней защиты диссертации, на фоне присвоения звания доцента, избрания в должности доцента, удар, нанесенный отцу в конце этого года, был для него совершенно неожиданным.

Наш покойный брат Борис (в будущем известный доктор химических наук) и я, и моя сестра заканчивали ГГУ, и нам приходилось общаться с теми преподавателями, которые гнобили нашего отца. Тяжелее всего пришлось нашему брату Борису, который в 1949 году только поступил на химический факультет, на котором в то время развернулись все события, приведшие к увольнению отца в декабре 1949 года из Университета.

Я поступил в ГГУ на мехмат в 1959 году. Общественную дисциплину (не помню, как называлась, по-моему, «История КПСС») преподавал доцент А.И. Песикин. Он же вел в нашей группе семинары. На первом семинаре, знакомясь по журналу со студентами, Песикин, прочитав фамилию Лиогонький, обратился к носителю этой фамилии, то есть ко мне, с вопросом “не являюсь ли я сыном Израиля Борисовича?” На мой утвердительный ответ Песикин сказал “хороший был человек”. В конце занятия он поинтересовался, есть ли комсорг в нашей группе. Услышав: “Еще нет”, произнес “Лиогонький, будешь комсоргом”. Когда я рассказал об этом маме, она с горечью сказала: “Был с отцом в друзьях, а выступал против”. Теперь, ознакомившись с протоколами, я увидел тому подтверждение.

И брату, и мне, и моей сестре приходилось сдавать экзамены В.И. Фомину, одному из инициаторов гнусного разбирательства, упрекавшего отца, что он не признал своей ошибки, не очень тщательно готовится к лекциям и что его

общение с аудиторией излишне наполнено эмоциями. Возвращаясь мысленно к тем годам со знанием того, с чем я ознакомился, не думаю, что общение с упомянутыми лицами было бы с моей стороны безэмоциональным.

Когда умер наш отец, мне еще не было десяти лет. Вспоминаю, как мы с папой ходили в баню, а потом мы заходили в рядом расположенный магазин, где он покупал мне стакан газированной воды с сиропом, а себе брал кружку пива и увлекался разговорами с любителями пива.

Дома все мы слышали разговоры о происходившем. У меня в памяти отложились фамилии буквально всех лиц, фигурирующих в протоколах, которые с яростью произносились родителями, но роль каждого из участников этой расправы (мне приходится именно так воспринимать происходящее) ни мне, ни моей сестре была неизвестна.

В памяти отложились также домашние разговоры о том, что все произошло из-за того, что папа на одной из лекций сказал о случайности рождения Ленина в России. Сейчас обыгрывание этой «фразы-ошибки» коллегами и влиятельными партийными работниками, среди которых были и те, которые не далее как в 1942 утвердили отца секретарем партбюро университета, вызывает у меня полное недоумение (почему я и употребил ранее слово «расправа»). Число всевозможных вариаций прилагательных к слову «ошибка» зашкаливает, но ни одного здравого объяснения, в чем состояла эта ошибка, ни в одном из протоколов заседаний я не обнаружил. Мне кажется в диссертации под названием «К вопросу о роли субъективного фактора в войне», защищенной в МГУ, в том числе в широком объеме должна была раскрываться роль личности в истории и там наверняка давалась оценка этой роли таким личностям, как Ленин и Сталин. Поэтому упрек беспартийного Белоусова в адрес Лигонького в его якобы недооценке роли великих личностей в истории был бесосновательным, но оказался, как мне кажется, «полезным» в период разгула в 1949 года борьбы с космополитизмом.

Философию отец рассматривал с марксистско-ленинских позиций. В подтверждение я могу привести собрание папиных книг, которые я бережно сохранил в квартире, где мы все раньше жили и где теперь живет моя сестра. Среди них полное, 3-е издание собрания «Сочинений» В.И. Ленина, полное собрание «Сочинений» Маркса и Энгельса, книги Гегеля, Фейербаха и другие. Был конечно и многотомник Сталина, но я его вынес в сарай, где он и исчез вместе с сараем.

В отличие от случая с С.С. Четвериковым, которому был закрыт путь где-либо устроиться на работу и который остался просто без средств к существованию, папе после увольнения из Университета удалось устроиться заведующим учебной частью профтехучилища, что, мне кажется, без содействия каких-то влиятельных, в том числе и партийных, кругов было бы невозможным. Под каким влиянием могла оказаться молодежь, да и сотрудники при общении с человеком, которого исключили из партии? Уже по тому снимку, который присутствует в наших фотодокументах, и по маминим рассказам, отец в силу своей общительности и доброжелательности вписался в коллектив. Я помню какие-то фотографии коллективных поездок с учащимися и поездок с сотрудниками на рыбалку. И все-таки травма от лишения любимой преподавательской работы, исключения из партии оказалась неизлечимой.

Эта травма усугублялась еще и тем, что мы жили в центре города, в переулке, который раньше назывался Мышкиным, затем Комсомольским, а теперь Университетским, потому что в нем находится здание университета, которое раньше считалось главным, в котором в те времена располагались и ректорат, и практически все факультеты. Наш дом находился в двухстах метрах от университета, и траектория любого выхода из дома обязательно проходила мимо места прежней папиной работы, где встречались и знакомые студенты, и сотрудники. Были среди них и те, с которыми встречи были приятны, и те, с которыми встречи были похожи на вскрытие незаживающей раны. Мама рассказывала, что перед той ночью, когда у папы случился инсульт, произошла одна из таких встреч, после которой он очень расстроился.

Передо мной отец предстает как очень добрый, общительный, коммунистических (в лучшей интерпретации) убеждений человек, строго придерживающийся в своей деятельности линии партии, членом которой он являлся. Опишу случай, подтверждающий, что память о моем отце даже в конце семидесятых годов еще сохранялась в Горьком. В июне 1970 г. года у меня предстояла защита диссертации в Совете Горьковского университета. И я должен был разносить авторефераты членам Ученого совета. Иду на квартиру к члену совета профессору Горьковского института инженеров водного транспорта М.И. Фейгину. Дверь открыл сам профессор. Я представился и объяснил причину моего прихода. Прочитав первый лист автореферата, он позвал свою жену со словами: «Познакомься, это сын Израиля Борисовича. Он будет защищаться в нашем Совете».

После увольнения И.Б. Лиогонького события в Горьковском университете стали развиваться по вполне предсказуемому сценарию. В 1950 г. И.П. Белоусов — уже и.о. зав. кафедрой диалектического и исторического материализма [10, с. 86]. В июне 1950 г. началась кампания в связи со статьей И.В. Сталина о языкознании. В начале 1950/1951 учебного года на расширенном заседании ученого совета ГГУ был заслушан доклад И.П. Белоусова как и.о. зав. кафедрой диалектического и исторического материализма «О работах т. Сталина по вопросам языкознания» [10, с. 86]. После чего в октябре 1950 г. в университете была проведена теоретическая конференция по сталинской работе. В октябре 1950 г. А.И. Песикин объявил о начале нового учебного года в университетской сети партийного просвещения и сообщил, что старшим консультантом по циклу философии партбюро университета утвердило И.П. Белоусова [28]. Установочные статьи по марксизму-ленинизму в университетской газете стал публиковать теперь также И.П. Белоусов [5]. В течение 1950 г. Горьковский университет сотрясала кампания проработки, которой подвергся физик профессор Г.С. Горелик. И.П. Белоусов выступил на заседании Ученого совета ГГУ с осуждением Г.С. Горелика [28].

В 1956 г. старший сын и старшая дочь И.Б. Лиогонького хлопотали о реабилитации отца, и после XX съезда КПСС он был посмертно реабилитирован в партийном отношении.

Горьковский случай кампании по «борьбе с космополитизмом» демонстрирует основные компоненты практики этой кампании: надуманное обвинение, искажающее смысл осуждаемого высказывания и имеющее смысл только в превращенном дискурсе; активный интересант, это обвинение выдвигающий; руководители учреждения — самоустранившиеся либо карьеристы;

идеологическое руководство, пользующееся случаем проявить себя в отношении подвернувшейся жертвы в соответствии с неписанной логикой кампании.

Мы не всегда задумываемся об отдаленных последствиях исторических событий и их сложных причинно-следственных связях. Мне представляется, что разрушение СССР было предопределено по крайней мере тремя событиями, происходившими задолго до того: 1) сталинскими репрессиями, 2) косыгинской реформой, 3) кампаний по «борьбе с космополитизмом». Здесь не место вдаваться в аргументацию. Выскажусь тезисно. Ни один буржуазный режим не уничтожил столько коммунистов, причем наиболее убежденную и пассионарную их часть. На смену им в советской элите пришли циники, управляемые методом «кнута и пряника». А третье поколение советской элиты, входившее в жизнь в 70-е гг., в значительной своей части уже относилось с презрением к Советской стране и принимало как свой западный образ жизни. Косыгинская реформа, внесшая начала прибыли в плановую экономику, была подобна песку, брошенному в работающий мотор, привела к экономическим и социальным диспропорциям развития, к дефициту и в итоге к остановке «мотора». Реальным результатом кампании по «борьбе с космополитизмом» стала запрограммированная смена основного идеологического водораздела в стране с социального («красные» и «белые») на национальный, то есть, по существу, отказ от марксизма-ленинизма как социоцентрической доктрины. К началу 1970-х гг. идеологические, научные и культурные учреждения, вузовские кафедры и редакции журналов стали объектом борьбы «либералов» и «почвенников», а коммунистическая идеология ушла из реальной идеологической повестки. Когда в перестройку встал вопрос о жизни и смерти социалистического строя в стране, его не собирались защищать ни те, ни другие.

Список литературы

1. Батыгин Г.С., Девятко И.Ф. Еврейский вопрос: хроника сороковых годов // Вестник РАН. 1993. Т. 63, № 2. С. 149–150.
2. Батыгин Г.С., Девятко И.Ф. Пятый пункт основного вопроса философии: Эпизоды 40-х гг. // Человек. 1993. № 3. С. 109–118.
3. Бедняев Г. Памяти А.А. Жданова // За Сталинскую науку. 1948. 20 сентября.
4. Белоусов И.П. На занятиях по марксистско-ленинской философии // За Сталинскую науку. 1950. 21 января.
5. Белоусов И.П. Об основных особенностях русской классической философии // Ударник. 1947. 4 января.
6. Беляев М.Н. Работа со студентами-дипломниками // За Сталинскую науку. 1949. 26 апреля.
7. Борьба за качество преподавания // За Сталинскую науку. 1948. 13 декабря.
8. За творческое развитие советской науки // За Сталинскую науку. 1950. 7 октября.
9. Касьян А.А. Философский фронт. Идеология и наука. Москва: Наука, 2008. С. 11–44.
10. Касьян А.И., Куревина С.В., Петрова Н.Е. Затухающий сигнал: идеологические дискуссии в советской науке середины XX века в региональном контексте // Вопросы истории естествознания и техники. 2010. Т. 31, № 3. С. 76–95.
11. Киселев В.П. Прошло полвека. Философия в российской провинции. Москва: Наука, 2003. С. 256–267.

12. Куревина С.В. Кафедра философии Нижегородского педагогического института. Философия в российской провинции. Москва: Наука, 2003. С. 46–71.
13. Лекции в сети партийного просвещения // За Сталинскую науку. 1948. 9 октября.
14. Лиогонький Б.И. Воспоминания об отце. Евреи Нижнего Новгорода. Нижний Новгород: ДЕКОМ, 1995. С. 128–132.
15. Лиогонький И.Б. Бессмертное творение марксистско-ленинской науки // За Сталинскую науку. 1949. 2 июня.
16. Лиогонький И.Б. Выше идейный уровень идеологической работы // За Сталинскую науку. 1949. 24 сентября.
17. Лиогонький И.Б. Выше качество идеологической работы // За Сталинскую науку. 1949. 23 февраля.
18. Лиогонький И.Б. Выше уровень идеологической работы // За Сталинскую науку. 1948. 4 октября.
19. Лиогонький И.Б. К вопросу о роли субъективного фактора в войне: дис. ... канд. философ. наук. Горький, 1946. 272 с.
20. Лиогонький И.Б. Первый день учебы в сети партийного просвещения // За Сталинскую науку. 1949. 8 октября.
21. Лиогонький И.Б. Философский семинар // За Сталинскую науку. 1948. 22 апреля.
22. Миронов Н.Н. Организованно начать учебный год в сети партийного просвещения // За Сталинскую науку. 1949. 30 сентября.
23. Мишин В.И. Философия в Нижегородском государственном университете им. Н.И. Лобачевского. Философия в российской провинции. Москва: Наука, 2003. С. 32–45.
24. Новый состав партбюро // За Сталинскую науку. 1949. 9 декабря.
25. Объявления // За Сталинскую науку. 1949. 30 сентября.
26. Овладеем теорией большевизма // За Сталинскую науку. 1948. 13 ноября.
27. Отчетно-выборное партийное собрание университета // За Сталинскую науку. 1949. 10 января.
28. Песикин А.И. Новый учебный год в сети партийного просвещения // За Сталинскую науку. 1950. 7 октября.
29. Сонин А.С. Борьба с космополитизмом в советской науке. Москва: Наука, 2011. 662 с.
30. Сорок шесть лекций // За Сталинскую науку. 1949. 3 сентября.
31. Сталин и космополитизм: документы Агитпропа ЦК КПСС, 1945–1953 / сост. Д.Г. Наджафов, З.С. Белоусова. Москва: Материк, 2005. 765 с.
32. Траурные митинги // За Сталинскую науку. 1948. 4 сентября.
33. Юбилейная сессия // За Сталинскую науку. 1948. 28 февраля.

References

1. Batygin GS, Devyatko IF. Evreiskii vopros: khronika sorokovykh godov. *Herald of the Russian Academy of Sciences*. 1993;63(2):149–150. (In Russ.)
2. Batygin GS, Devyatko IF. Pyaty punkt osnovnogo voprosa filosofii: Ehpizody 40-kh gg. *Chelovek*. 1993;(3):109–118. (In Russ.)
3. Bednyaev G. Pamyati A.A. Zhdanova. *Za Stalinskuyu nauku*. 1948. 20 Sept. (In Russ.)
4. Belousov IP. Na zanyatiyakh po marksistsko-leninskoi filosofii. *Za Stalinskuyu nauku*. 1950. 21 Jan. (In Russ.)
5. Belousov IP. Ob osnovnykh osobennostyakh russkoi klassicheskoi filosofii. *Udarnik*. 1947. 4 Jan. (In Russ.)
6. Belyaev MN. Rabota so studentami-diplomnikami. *Za Stalinskuyu nauku*. 1949. 26 Apr. (In Russ.)
7. Bor'ba za kachestvo prepodavaniya. *Za Stalinskuyu nauku*. 1948. 13 Dec. (In Russ.)

8. Za tvorcheskoe razvitie sovetsoi nauki. *Za Stalinskuyu nauku*. 1950. 7 Oct. (In Russ.)
9. Kas'yan AA. Filosofskii front. *Ideologiya i nauka*. Moscow: Nauka, 2008. P. 11–44. (In Russ.)
10. Kas'yan AA, Kurevina SV, Petrova NYe. The waning signal: ideological discussions in mid-20th century soviet science in regional context. *Studies in the history of science and technology*. 2010;31(3):76–95. (In Russ.)
11. Kiselev VP. Proshlo polveka. *Filosofiya v rossiiskoi provintsii*. Moscow: Nauka, 2003. P. 256–267. (In Russ.)
12. Kurevina SV. Kafedra filosofii Nizhegorodskogo pedagogicheskogo instituta. *Filosofiya v rossiiskoi provintsii*. Moscow: Nauka, 2003. P. 46–71. (In Russ.)
13. Leksii v seti partiinogo prosveshcheniya. *Za Stalinskuyu nauku*. 1948. 9 Oct. (In Russ.)
14. Liogon'kii BI. Vospominaniya ob ottse. *Evrei Nizhnego Novgoroda*. Nizhny Novgorod: DEKOM, 1995. P. 128–132. (In Russ.)
15. Liogon'kii IB. Bessmertnoe tvorenie marksistsko-leninskoi nauki. *Za Stalinskuyu nauku*. 1949. 2 Jun. (In Russ.)
16. Liogon'kii IB. Vyshe ideinyi uroven' ideologicheskoi raboty. *Za Stalinskuyu nauku*. 1949. 24 Sept. (In Russ.)
17. Liogon'kii IB. Vyshe kachestvo ideologicheskoi raboty. *Za Stalinskuyu nauku*. 1949. 23 Feb. (In Russ.)
18. Liogon'kii IB. Vyshe uroven' ideologicheskoi raboty. *Za Stalinskuyu nauku*. 1948. 4 Oct. (In Russ.)
19. Liogon'kii IB. *K voprosu o roli sub'ektivnogo faktora v voine* [dissertation]. Gorky, 1946. 272 p. (In Russ.)
20. Liogon'kii IB. Pervyi den' ucheby v seti partiinogo prosveshcheniya. *Za Stalinskuyu nauku*. 1949. 8 Oct. (In Russ.)
21. Liogon'kii IB. Filosofskii seminar. *Za Stalinskuyu nauku*. 1948. 22 Apr. (In Russ.)
22. Mironov NN. Organizovanno nachat' uchebnyi god v seti partiinogo prosveshcheniya. *Za Stalinskuyu nauku*. 1949. 30 Sept. (In Russ.)
23. Mishin VI. *Filosofiya v Nizhegorodskom gosudarstvennom universitete im. N.I. Lobachevskogo*. *Filosofiya v rossiiskoi provintsii*. Moscow: Nauka, 2003. P. 32–45. (In Russ.)
24. Novyi sostav partbyuro. *Za Stalinskuyu nauku*. 1949. 9 Dec. (In Russ.)
25. Obyavleniya. *Za Stalinskuyu nauku*. 1949. 30 Sept. (In Russ.)
26. Ovladeem teoriei bol'shevizma. *Za Stalinskuyu nauku*. 1948. 13 Nov. (In Russ.)
27. Otchetno-vybornoie partiinoe sobranie universiteta. *Za Stalinskuyu nauku*. 1949. 10 Jan. (In Russ.)
28. Pesikin AI. Novyi uchebnyi god v seti partiinogo prosveshcheniya. *Za Stalinskuyu nauku*. 1950. 7 Oct. (In Russ.)
29. Sonin AS. Bor'ba s kosmopolitizmom v sovetsoi nauke. Moscow: Nauka, 2011. 662 p. (In Russ.)
30. Sorok shest' leksii. *Za Stalinskuyu nauku*. 1949. 3 Sept. (In Russ.)
31. Nadzhafov DG, Belousova ZS, editors. Stalin i kosmopolitizm: dokumenty Agitpropa TSK KPSS, 1945–1953. Moscow: Materik, 2005. 765 p. (In Russ.)
32. Traurnye mitingi. *Za Stalinskuyu nauku*. 1948. 4 Sept. (In Russ.)
33. Yubileinaya sessiya. *Za Stalinskuyu nauku*. 1948. 28 Feb. (In Russ.)

Информация об авторе

Сергей Николаевич Корсаков — доктор философских наук, доцент, ведущий научный сотрудник ФГБУН Институт философии РАН, Москва, Россия. E-mail: snkorsakov@yandex.ru

Information about the author

Sergey N. Korsakov — Ph.D, Associate Professor, Leading Researcher of the Institute of Philosophy of PAS, Moscow, Russia. E-mail: snkorsakov@yandex.ru